

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 623.718

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Central B.
ArgentinaFRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XI

Buenos Aires, Jueves, 7 de julio de 1960

Буэнос Айрес, четверг 7 июля 1960 года

№ 545

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

140. АНТИАМЕРИКАНСКИЕ МАНЕВРЫ ХРУЩЕВА РАЗВЕРТЫВАЮТСЯ В МИРОВОМ МАСШТАБЕ. — НЕ СЛЕДУЕТ ПРЕУВЕЛИЧИВАТЬ РАЗНОГЛАСИЯ ВНУТРИ СОВЕТСКО-ПАРТИЙНОЙ ВЕРХУШКИ. — ЛЮБОПЫТНЫЙ СНИМОК В “ОГОНЬКЕ”. — ЧЕМ ВЫЗВАНО ОТСУТСТВИЕ ДУХОВЕНСТВА НА ПОХОРОНАХ Б. Л. ПАСТЕРНАКА? — СМЕРТЬ АВИАКОНСТРУКТОРА СЕМЕНА АЛЕКСЕЕВИЧА ЛАВОЧКИНА.

Сейчас антиамериканское “мирное” наступление Хрущева развертывается поистине в мировом масштабе. Посмотрим отдельные его секторы на всех континентах.

Не стоит говорить об усилении советской пропаганды и подрывной работы на самом опасном для коммунизма секторе — Западной Германии. Но и тут применен новый прием; со свойственным ему бесстыдством Хрущев “разоблачил” Айзенхауэра в том, что последний, при беседе с глазу на глаз в Кэмп Дэвид, уговорил Никиту отказаться от всяких попыток изменить современное положение в Германии, доказывая его выгоды для СССР и Соед. Штатов. Обе эти державы, якобы сказал Айзенхауэр, должны, помня прежний опыт, опасаться единой сильной и независимой Германии, с ее трудолюбивым народом, мощной промышленностью и лучшими в мире по боевым качествам солдатами. Поэтому лучше сохранить советские гарнизоны в Восточной зоне и американские в Западной части страны “во веки веков”, чтобы помешать и тут и там созданию сильной и самостоятельной армии; при этом СССР и Соед. Штатам выгодно направлять немцев друг на друга, чтоб не допустить их объединения.

Конечно, подобному разоблачению Хрущева нельзя поверить: Айзенхауэр многократно настаивал на свободных выборах по всей Германии, он знает, что американцам вовсе не улыбается постоянно содержать в боевой готовности свои войска в Германии и они понимают всю неустойчивость затянувшегося на 15 лет перемирия. Все противостоит уродство союза Черчилля и Рузвельта со Сталиным выявляется в том, что они вместе способны оказались лишь воевать, но не заключать прочный мир с побежденным противником. Конечно, никто в Германии не поверит, что одни коммунисты с помощью Хрущева стремятся к объединению великого народа в одно государство, а Западные союзники хотят лишь держать там, во вред Германии, свои гарнизоны.

В соседней Франции компартия перешла в открытое наступление против правительства: растут непрерывной цепью потрясающие народное хозяйство забастовки и следует ожидать новых беспорядков, чтоб подорвать Республику де Голля, который не согла-

сился в период сорвавшейся конференции быть пешкой в антиамериканской игре Хрущева и принять участие в антигерманских выступлениях ни Хрущева, ни дезертира 1917 г. маршала Малиновского, который “кровь проливал” за Францию, в Шампани.

В Великобритании, как и в Скандинавских странах и Бенелюксе всякие просоветские группировки пугают народ опасностью советской атомно-водородной бомбардировки; в Италии компартия развертывает ту же кампанию и требует запрещения американцам пользоваться авиационными базами. В Турции через различные круги пытаются убедить ставших у власти военных вести “независимую” политику от Запада. Это дало уже свои первые плоды: правительство отказывается послать свежие части в Южную Корею на смену тем, которые после окончания своего пребывания в Корее были предназначены правительством Мендереса к замене другими частями. Странно, что именно военные против посылок сменяющих друг друга по очереди частей в Корею, где они проходят прекрасную школу в полубоевой обстановке и привыкают к сотрудничеству с военными частями других наций, расквартированными вдоль разрезавшей живое тело страны по воле Трумана, Этли и Сталина демаркационной линии.

Те же цели антиамериканской пропаганды преследуют предстоящие поездки Хрущева в страны Южной Америки и Африки, маршрут которых сейчас согласовывается с различными правительствами.

Но ближайшими маневрами против поездки Айзенхауэра по странам Азии является посылка бомбардировочной авиации для визита китайским красным частям, предназначенным для завоевания Тайвана, и новая бомбардировка прибрежных островов.

Во всяком случае, все антиамериканские силы мобилизованы для враждебных демонстраций в Корею и особенно Японию.

В самих Соед. Штатах ведется игра в поддержку демократов на предстоящих выборах: пока с восторгом пишет советская печать о забастовке рабочих на всех 3-х американских ракетных и авиационных базах: Вандеберг в Калифорнии, Оффат в Небраске и Уррен в Вайоминге, и на заводах кам-

О П О В Е Щ Е Н И Е

В воскресенье 10 июля (27 июня) с. г. состоится торжественное освящение новосооруженного Воскресенского Кафедрального Собора в г. Буэнос Айресе, по улице Нуньес 3541 (район Сааведра).

Чин освящения совершит Высокопреосвященный Архиепископ АФАНИСИЙ (если не прибудет приглашенный Высокопреосвященный Архиепископ Сан-Паульский и всей Бразилии ФЕОДОСИЙ) с сонмом духовенства. Начало в 10 часов утра. После освящения — Божественная Литургия.

На это торжество усердно приглашаю все наше Духовенство, Сестричества, Приходские советы, прихожан, общественные русские организации и всех православных людей гор. Буэнос Айреса и его окрестностей.

Построение сего Кафедрального Собора без больших материальных возможностей и в сравнительно короткий срок свидетельствует о великой милости Божией к нам. Начиная эту постройку в октябре 1957 года, мы не имели твердой уверенности закончить ее в том виде, в каком она предстает ныне нашему взору. Мы горячо молебались, чтобы Господь благословил наш труд и помог нам довести начатую постройку до благополучного конца. Жертвенность русских людей на это святое дело превзошла все наши ожидания. Давали свои посильные лепты имущие и немощные, а многие пожертвовали свой физический труд и строительный опыт вместо денег. Даже иноверцы и благожелательные люди иных национальностей принесли свой дар. Благодаря этим жертвам, мы создали величественный храм Божий во славу Светлого Христова Воскресения.

Воскресенский Кафедральный Собор в гор. Буэнос Айресе является главным храмом нашей Аргентинской епархии Руской Православной Церкви Заграницей. Приходские храмы имеют значение местное, но Кафедральный Собор превосходит это. К нему устремляются верующие русские сердце и ищет в нем утешения в горьких слезах. Нужно, чтобы русские люди поняли огромное значение его и, поняв, полюбили.

Архиепископ АФАНИСИЙ

панин “Конвейер”, что уже привело к отсрочке испытания ракеты “Атлас” и нанесет удар по уже отстающей от СССР в этой области американской ракетной промышленности. В Москве рассчитывают, что американские рабочие, для которых на первом плане доллар, а затем интересы обороны родины, сорвут всякие мероприятия по безопасности собственной страны, если она подвергнется угрозам сов. бомбардировки. Большевики хотят во всю использовать предвыборный период для нанесения сильнейших ударов по слабейшему во все мире престижу Соед. Штатов. Хрущев рассчитывает за это время на успех своих турне по Южной Америке и Африке, где выступать он будет с призывами против президента Айзенхауэра. Недаром советская печать пишет, что он лентяй, который предоставил дела правления Никсону, Хертеру и Диллону, а сам занят только игрой в гольф.

Большой ошибкой Запада была бы сейчас переоценка разногласий в советской правящей верхушке; воспитанные в духе расизма многие американцы и западные европейцы переоценивают возможность разногласия между СССР и Красным Китаем.

Глупый и недалекий от старческого маразма Дижонский каноник Кир видит почему-то в Хрущеве будущего защитника Европы от желтой опасности, на которой когда-то настаивал свергнутый впоследствии с престола, основанного на успехах Великого Бисмарка, император Вильгельм II. Генерал де Голль пытался убедить Хрущева в первый его приезд, что он представляет не коммунистический СССР, а историческую Россию, которая должна жертвовать собой для спасения прекрасной Франции от монголов. Это может лишь рассмешить советских дипломатов, которые знают, что Мао и его приспешники не собираются завоевывать Сибирь и подрывать военную мощь коммунистического союзника, а свою экспансию направят на Юго-Восточную Азию и Индонезию, где уже проживают сейчас миллионы китайцев. Не следует также преувеличивать надежд на разногласия европейских сателлитов с СССР; зная, как подло За-

пад отвернулся от восставших венгров в 1956 г., ни в одной стране никто не поднимется против СССР, пока сами Соед. Штаты не подвергнутся ракетной бомбардировке. Нельзя также рассчитывать на разногласия в СССР между военными и ЦК; маршалы трусят подвергнуться участи Тухачевского с его партийной плеядой, позволившей себя переарестовать без сопротивления. Внутри же самого ЦК сейчас растет непримиримая линия в отношении глупых и трусливых (по мнению советских экспертов) американцев, которые упорно позволяют себе оскорблять и не уважают уважения собственным союзникам. Там, в СССР, сравнивают отношение СССР к венгерскому восстанию и Соед. Штатам к недавним событиям в Корею, Турции и, наконец, Японии.

Появление бронетанковых сил генерала Малинина быстро сломало сопротивление слабо вооруженных венгров, а в Корею убийство студентов, требовавших свержения имевшего большинство в парламенте правительства, привело к настоящей революции; то же произошло в Турции, то же пытаются повторить в Японии враги Соед. Штатов. Малинин пустил в ход оружие и за сутки укрепил положение правительства Кадара и Мюнхиха, а в Корею американские гарнизоны сидели в казармах и равнодушно смотрели на свержение “отца отечества” Сингман Ри.

Мало бороться только против коммунизма, надо знать и за что мы боремся! Надо, чтобы и по ту сторону Железного Занавеса знали, что написано на нашем трехцветном знамени свободы.

Мы боремся за монархию, но не за монархию вообще, а за НАРОДНУЮ МОНАРХИЮ!

Не назад, к монархии, а ВПЕРЕД к монархии! К монархии новой в новой могучей России! — зовем мы.

† В воскресенье, 17-го сего июля, в 42-ую годовщину убийства

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА

и

ЕГО АВГУСТЕЙШЕЙ СЕМЬИ

в Кафедральном Соборе Воскресения Христова (ул. Нуньес, 3541) после Божественной Литургии будет совершена

ПАНИХИДА

Советская печать отмечает наступивший кризис парламентаризма в демократических странах: раньше говорили о святости народного волеизъявления; народ на выборах выражал тайным голосованием свою волю и получившая большинство партия правила страной, через составленный ее лидерами кабинет. Теперь в Корее и Турции против получившей на выборах большинство партии, образовавшей, согласно результатам голосования, свое правительство, выступают студенты столичного университета и требуют отставки правительства и новых выборов; попытки полиции помешать студентам и присоединившимся к ним рабочим столичных заводов проникнуть в парламент и правительственные здания ведут к убийству полицейских, что считается признаком демократической свободы; ответные действия полиции ведут к жертвам среди нападавших насильников, что считается «зверством»; наступает всеобщая забастовка и затем революция; сейчас в Японии, имеющая большинство двух третей голосов в парламенте либеральная партия одобрила договор о военном оборонительном союзе с Соединенными Штатами; но против парламентского большинства выступают студенты, безработные и всякие беспоконные элементы из подонков столицы, которые, добившись уже от премьера Киши отказа от приема Айзенхауэра, властно требуют теперь роспуска парламента за то, что его большинство не подчинилось требованиям демонстрантов и ратифицировало договор с США.

Большевистская дипломатия отмечает две мерки в поведении демократических правительств: во Франции демократическое правительство де Голля выслоло на Корсику политических эмигрантов и интернировало сотни французов за то, что им не нравился приезд Хрущева, чего бы не было, если бы они протестовали против приезда Айзенхауэра; в Японии сами американцы были бы возмущены, если бы полиция арестовала хоть одного студента, публично оскорбляющего американского президента. Вот на это холопство демократических правительств перед коммунистическими наглостями, на это неприятие против всякого подстроенного коммунистами выступления против Запада и ставят ставку сейчас в Кремле. Упреки Хрущеву со стороны Суслова и других членов президиума ЦК имеют в виду, что он был слишком вежлив с американским президентом, который по своей уголивости перед Хрущевым этой любезности вовсе не заслуживал. Вот теперь Хрущев ругательно ругает публично президента согласно решению президиума ЦК и это ведет к падению американского престижа во всем мире; покорно переносившие американскую оккупацию японцы от американцев научились тому, что при демократии можно безнаказанно поносить главу государства и это считается признаком демократичности режима. Вспоминается старый анекдот 1945 г.

о беседе между двумя братающимися победителями Германии: подвыпившими советским и американским сержантом: американец хвастает: «У нас полная свобода, захочу, могу крикнуть — долой Трумана» и мне за это ничего не сделают!» Советчик отвечает: «И у нас в СССР такая же свобода; могу везде кричать — долой Трумана!» — «Но тебе не позволят в России зато кричать: долой Сталина!» «Ну, брат, отвечает советчик, попробуй ты в Америке такое крикнуть; наш Сталин такой протест закатит, что Труман кланяться будет, да прощения просить, что допустил такую антисоветскую демонстрацию!» Этот анекдот я вспоминал, когда читал, как на прессконференции в Париже Хрущев злобно кричал против части мычавших иностранных журналистов и грозил, что в будущую войну добьет тех, кто уцелел под Сталинградом. Между тем, даже Никсон лебезил перед партийными журналистами на прессконференции в Москве, хотя он из всех американцев держит себя с наибольшим достоинством, когда беседует с коммунистами.

Чем грубее будет Хрущев хамить в отношении американцев, тем выше будет его престиж в рядах своего ЦК до тех пор, пока американцы не начнут держать себя с бóльшим достоинством и не перестанут позволять оскорблять своего президента, как нигде в Западной Европе и Соед. Штатах не допускаются антисоветские демонстрации.

Из всех советских заправил, пожалуй, только Микоян не одобряет резкого тона в дипломатических переговорах; во всяком случае, враги Хрущева шепчут, что он ни любезностями, ни грубостями не сдвинул американцев ни на йоту с их позиций; где стояли их гарнизоны в Берлине и Корее, там они и продолжают стоять.

Большим достижением своей пропаганды и умелого использования всяких оппозиционных группировок признает ЦК скандал, устроенный токийскими студентами посланцу Айзенхауэра Хаггерти, которому они не позволили проехать из аэропорта в Токио и заставили спастись на вертолете, чтоб добраться до посольства. Студенты шли с красными флагами и показали американцам, чего они достигли своим союзом со Сталиным и многолетним покровительством компартии в Японии, в которой они видели сдору элемент демократического прогресса и борьбы против монархических устоев этого столь традиционного до американской оккупации народа.

Любопытный снимок помещен в № 19 «Огонька» от 8-го мая с. г. на второй странице: «Члены президиума ЦК направляются к трибуне мавзолея перед началом Первомайского парада». Впереди идут улыбающийся Хрущев с ласково смотрящей на него Фурцевой, на что смотрят с ехидным видом идущие справа от Хрущева, несколько отступая, худой и хмурый Суслов и Брежнев; сзади идут, поглядывая на них, Игнатов, а сзади Полянский, жалкий постаревший Пospelов и Мухитдинов;

за Хрущевым почтительно идет Аристов, с ним влево идут Гротеволь и Ворошилов, а дальше слева от Фурцевой, но позади нее, нагнувший голову, недовольный своими последними неудачами, Козлов со столь же угрюмым Микояном и дряхлым Куусиненом, наконец, слева крайним у стенки идет высокий и всегда щеголеватый Косыгин. Если внимательно посмотреть на этот снимок, то становится ясной близость Фурцевой к Хрущеву, который с нею идет впереди своих сотрудников и соперников; ближе к ним стоит ненавидящий Хрущева и сердито смотрящий на него, самый опасный из его соперников, Суслов, за ним веселый и почтительно улыбающийся Аристов; забыл упомянуть, что позади всех плетется по стопам Аристова жалкий незначительный Шверник. Спокойно уверенными себя чувствуют Игнатов, Брежнев, Аристов, Мухитдинов, которые действительно сохранили или упрочили свое положение на состоявшемся через два дня пленуме ЦК. Также весел получивший повышение на пленуме ЦК новый первый заместитель премьера Косыгин. Грустно выглядят старики Ворошилов и Куусинен, которых уже никто не замечает, несмотря на их большие заслуги в прошлом. Хрущев постепенно выдвигает новых людей, всем своим положением ему лично обязанных, а старики сталинской эпохи уже стремятся лишь умереть в рядах Хрущевской свиты. Однако, Суслов является серьезным соперником, который пользуется большим авторитетом в ЦК своим пуританством и суровым преследованием всяких «уклонистов» и «ревизионистов», причем он считается непричастным к преступлениям сталинского режима, ибо в Кремле появился только в послевоенные годы.

Сейчас уже можно считать установленным, почему настоятель Преображенской церкви, отпевавший, повидимому, Пастернака на дому, не появился в день его похорон и не согласился на вынос тела поэта в церковь. Оказывается, что руководящий антирелигиозной пропагандой в ЦК Марк Борисович Митин, возможно, особо ненавидящий своего соплеменника Бориса Леонидовича за принятие им Православия, настоял в ЦК на предъявлении патриарху требования о запрещении духовенству присутствовать на похоронах Пастернака и выносе его тела в церковь для отпевания. Митин правильно решил, что на похоронах будет много иностранцев и наиболее смелых из студенческой молодежи; на самом деле был аташе французского посольства и около сорока иностранных журналистов. На всех них произвело бы большое впечатление отпевание знаменитого заграничной поэты; это сразу опровергло бы обычное большевистское утверждение, что верующими в России бывают только малограмотные старухи, большей частью колхозницы. Церковные похороны произвели бы также сильное впечатление на студенчество, разбивая лозунг о несовместимости религии с

образованием; ведь Пастернака выдать за «некультурного» человека никак нельзя. Митин выдвинул еще один сильный довод: присутствие духовенства на похоронах известного своей враждебностью к коммунистической диктатуре и глубоко верующего поэта могло бы быть истолковано, как проявление симпатии к покойному оппозиционно настроенному поэту со стороны московской патриархии, которая обязалась вести с 1927 года линию, взятую митрополитом Сергием в отношении боготворческого правительства. «Ваши враги — наши враги, ваши друзья — наши друзья!» Значит, раз Пастернак открыто осуждал советскую диктатуру и заклеивал зверства сталинщины, которые патриархия вообще отрицает, то ему не должны давать публично церковного погребения «удобно лежащие перед безбожниками «церковные работники», как называл в своих обращениях к Сталину духовенство патриарх Сергей и за ним Алексей. Поэтому нам надо в свободных условиях эмиграции служить панихиды по Пастернаку, как и по всем русским людям, за которых не смеет, по крайней мере открыто, молиться духовенство Московской Патриархии.

9-го июня скончался в возрасте 59-ти с небольшим лет знаменитый конструктор советских новейших самолетов, один из творцов боевой мощи советской авиации генерал-лейтенант Семен Алексеевич Лавочкин. Покойный родился в 1900 году; после Гражданской войны поступил на авиастроительный факультет Московского Высшего Технического Училища им. Баумана, который окончил в 1927 году; выдающийся по своим способностям, он был сразу принят в Управление по испытанию новых типов самолетов, засекреченное под именем конструкторского Бюро № 46, руководимое тогда еще молодым Андреем Николаевичем Туполевым. Это Бюро ЦАГИ находилось около станции Малаховки Московско-Казанской железной дороги. Там он проработал шесть лет. Затем ему было поручено разработать проблему снабжения самолетов артиллерийскими орудиями, для чего он перешел в Бюро изысканий на военном-авиационном заводе № 39, которым руководил другой известный конструктор инж. Д. П. Григорович; заводу было присвоено имя скончавшегося в 1934 г. главы ОГПУ В. Р. Менжинского. В 1937 году Семен Алексеевич был назначен заведующим отделом артиллерийского оснащения самолетов наркомата авиационной промышленности; через год он совместно с инженерами Горбуновым и Гудковым разработал конструкцию деревянного одноместного истребителя с одним мотором, но большой скоростью полета, снабженного артиллерийским орудием. Этот аппарат по имени Лавочкина, Горбунова и Гудкова стал известен, как ЛАГГ-1. Новый аппарат прошел все испытания и был уже в 1938 году принят на вооружение в советских военно-воздушных силах. В 1940

И. СОЛОНЕВИЧ

23

РОССИЯ В КОНЦЛАГЕРЕ

Вообще здесь был некий новый вид того советского интернационала — интернационала голода, горя и нищеты, — нивелирующий все национальные отличия. Какой-то грузин — уже совсем проеденный туберкулезом и все время хрипящий кашляющий. Утверждает, что он сын доктора, расстрелянного ГПУ.

— Ты по-грузински говоришь?

— Н-не, забыл...

Тоже... руссификация... Руссификация людей, уходящих на тот свет...

* *

Разговор шел как-то нервно: ребята то замолкали все, то сразу — наперебой... В голову все время приходило сравнение с рыбею стайкой: точно кто-то невидимый и неслышный командует... И в голосах, и в порывистости настроений, охватывающих сразу всю эту беспризорную стайку, было что-то от истерики... Не помню, почему именно я одному из ребят задал вопрос о его родителях — и меня поразила грубость ответа:

— Подошли. И хрен с ними. Мне и без родителей не хуже...

Я повернулся к нему. Это был мальчишка лет 15-16-ти, с угрюмым лбом и темными, озлобленными глазами.

— Ой ли?

— А на хрена они мне сдались? Живу вот и без них.

— И хорошо живешь?

Мальчишка посмотрел на меня злобно:

— Да вот, как хочу, так и живу...

— Уж будто? — В ответ мальчишка выругался — вонюче и виртуозно...

— Вот, — сказал я, — ел бы ты борщ, сваренный матерью, а не лагерную баланду. Учился бы, в футбол играл. Вши бы не ели.

— А ну тебя к... матери, — сказал мальчишка, густо сплюнул в костер и ушел, на ходу независимо подтягивая свои спадающие штаны. Отойдя шагов десяток, оглянулся, плонул еще раз и бросил по моему адресу:

— Вот тоже еще стерва выискалась!..

В глазах его ненависть...

* *

Позже, по дороге из колонии дальше на север, я все вспоминал этого мальчишку с его отвратительным сквернословием и с ненавистью в глазах и думал о полной, так сказать, законности, о неизбежной обусловленности вот такой психологии. Не несчастная случайность, а общество, организованное в государство, лишило этого мальчишку его родителей. Его никто не подобрал и ему никто не помог. С первых же шагов своего «самостоятельного» и мало-мальски сознательного существования он был поставлен перед альтернативой — или помереть с голоду, или нарушать общественные законы в их самой элементарнейшей форме. Вот один из случаев такого нарушения:

Дело было на базаре в Одессе в 1925 или 1926 году. Какой-то беспризорник вырвал из рук какой-то дамочки каравай хлеба и бросился бежать. Дамочка подняла крик, мальчишку как-то сбили с ног. Падая, мальчишка в кровь разбил себе лицо о мостовую. Дамочка подбежала и стала колотить его ногой в спину и в бок. Примеру дамочки последовал и еще кое-кто. С дамочкой, впрочем, было поступлено не по-хорошему: какой-то студент

зверской пощечиной сбил ее с земли, окровавленный и избивший наиболее выносливые части торопливостью рвал зубами и занным в крови и грязи хлебную поволокли в милицию. Он слезы и кровь, и продолжая срать такой ценой отвоєванный

Никто из этих детей не житье руки на животике и с этой во славу будущих социалистов, стали бороться за жизнь — них оставался: воровством. Но, л е д н и й кусок хлеба — пр В нищете советской жизни, в ческой беспризорности — он И они были выброшены из вся неофициального. Они преврати ми охотятся все.

Но в этом мире, который н лись все же и дети, и родит сытость и даже кое-какая бес всегда потеряно для вот этих явленных более или менее вне сохранения, чисто инстинктивно в себе психологию отдельной мальчишки можно было перев нуть родителей, семью, мать, С ри, не пили душу"...

году эти аппараты, более усовершенствованного типа ЛАГГ-3 были выпущены в массовом количестве и к началу Второй мировой войны стали одним из наиболее распространенных типов советских боевых самолетов. В годы войны Лавочкин продолжал работать над усовершенствованием своих аппаратов, в результате чего в 1943 г. началось массовое производство ЛА-5, в следующем 1944 году — ЛА-7 и в 1945 г. новый тип ЛА-9. Эти аппараты с мотором конструкции инженера Швецова имели огромный успех в годы войны, успешно тягася с германской боевой авиацией. С 1946 г. Лавочкин перешел на производство ракетных самолетов; в 1947 году он сконструировал цельнометаллический ЛА-15, одноместный истребитель, самый легкий по весу из всей советской боевой авиации, но его малая маневренная способность помешала министерству оборонной промышленности принять его на вооружение в советской армии. С 1949 года конструкторское Бюро Лавочкина изготовило несколько новых типов самолетов, которые, однако, не были приняты. Возможно, для закрепления своего авторитета религиозный, как уверяли знавшие его летчики, Лавочкин вступил в 1952 году в коммунистическую партию, от чего он до того времени уклонялся. Отметим, что Андрей Николаевич Туполев до сих пор остается беспартийным в силу своих религиозных убеждений. Последние годы своей жизни Лавочкин разрабатывал новые конструкции сверхзвуковых ультразвуковых истребительных самолетов.

За свои изобретения, столь ценные для советской боевой авиации, Семен Алексеевич был 4 раза награжден Сталинскими премиями по 200.000 рублей, которые иногда присуждались ему совместно с его сотрудниками. С 1952 г. он был депутатом Верховного Совета СССР и четырежды был награжден орденами Ленина. Имя Лавочкина среди творцов современной советской авиации может идти в одном ряду с наиболее славными советскими конструкторами: знаменитым Андреем Николаевичем Туполевым, Сергеем Владимировичем Ильюшиным, Михаилом Иосифовичем Гуревичем, Артемом Ивановичем Микояном (племянником партийного вождя), В. М. Петляковым (погиб на войне в 1942 году при испытании нового самолета), Александром Сергеевичем Яковлевым; имя Лавочкина останется связано с созданием советских ракет дальнего действия.

Официальное сообщение говорит о смерти после продолжительной и тяжелой болезни, чему на этот раз можно поверить. Лавочкин по возрасту был много моложе других вышеперечисленных конструкторов, Ильюшину сейчас 67 лет, а Туполеву уже 72 года, но они оба еще полны сил и работают над новыми конструкциями в качестве начальников проектных Бюро. Все они ценятся советским правительством и поэтому находятся под постоянным медицинским наблюдением, проводят в лучших санаториях свои отпуска и даже праздничные дни отдыха; однако их, как и всех советских работников, занимающих руководящие ответственные посты, изнашивает постоянный страх быть обвиненными в саботаже или халатности. Сколько лет отсидел самый крупный из них гениальный Андрей Николаевич Туполев? Ведь он был арестован в первый раз в 1936 году, потом выпущен; снова арестован в 1938 году и провел в заключении пять лет, выйдя на свободу только в 1943 г. Правда, ему даны были лучшие условия заключения с работой в конструкторском Бюро. Но самая жизнь этих крупных людей, помнящих о заключении Туполева, проходит далеко беспокойно и они все в душе с завистью думают о своих хорошо оплачиваемых и роскошно живущих коллегах-американцах, которые никогда не отвечают за постоянные провалы с пуском космических снарядов на Кап Канавераль. В СССР всякие просчеты и ошибки, за которые американский инженер никогда не отвечает, могут привести для конструктора к обвинению, в лучшем случае, в преступной халатности и небрежности при выполнении государственного задания, а в худшем случае — в саботаже и вредительстве, с обычными в советской практике последствиями.

Все это изнашивает талантливых людей и приводит их, несмотря на все заботы лучших врачей по всем специальностям, к преждевременному концу.

Алексей Ростов

Г. Месняев

ПЕВЕЦ УШЕДШЕЙ РУСИ

(К десятилетию со дня смерти И. С. Шмелева, последовавшей 24 июня 1950 г.)

Вплоть до самой революции, в Российской Империи продолжала жить, пережив и петровские реформы и европеизацию верхних слоев русского общества, — московская Русь. Не только в уездной глуши России, в затерянных, вдали от железных дорог и больших городов, уездных городках, посадах, селах и деревнях — продолжало жить своей особенной жизнью то старорусское, что тайло еще в себе отзвуки и ароматы давно ушедшего. Но и в самой Москве, рядом с гостиницей «Метрополь», рядом с особняками европейских купцов-меценатов, с их операми, картинными галереями, газетами и журналами — продолжало жить своей особой жизнью это самое старорусское. Жило оно там, где стояла, пылая тысячами свечей знаменитая Иверская часовня; жило оно в древних стенах монастырей, в оградах московских Никол; в старозаветных домах Замоскворечья, в домиках проsvирен, ремесленников, мещан.

Кругом шумела и волновалась «господская» жизнь; суетились политические и общественные деятели; то и дело вспыхивали студенческие беспорядки; обсуждались политические и другие вопросы большой важности, но, все это было и не понятно и чуждо тому русскому человеку, который продолжал жить своими старозаветными верованиями, своим чисто русским укладом жизни, еще сохранявшим аромат старого народного быта.

И. С. Шмелев родился и вырос, как раз, в атмосфере этого крепкого, настоящего веками народного быта, постепенно вытесняемого победным шествием все обезличивающей и обесценивающей цивилизации.

Но, и он, с летами, уйдя от своих истоков, подвергся воздействию анационального чувствования, в плену у которого находилось тогдашнее русское образованное общество.

Его первые литературные произведения, и, в частности, создавшая ему литературное имя повесть «Человек из ресторана», хотя и отмеченные печатью незаурядного таланта, — не поднимались выше тогдашнего литературного шаблона, будучи проникнуты умеренными либеральными тенденциями и банальным восприятием тогдашней предреволюционной русской жизни.

Подобно другим своим современникам И. С. Шмелев пошел по проторенной дорожке, по которой шла реалистическая литература тех дней, окрашенная цветами банального либерализма. И, если бы это продолжалось и дальше, если бы русская жизнь не была потрясена до самых своих основ революцией, — то мы, вероятно, никогда бы не узнали того исключительно своеобразного, глубокого по мыслям и чувствам, литературного дара И. С. Шмелева, который, с такой силой чарует теперь людские сердца.

Временное отступничество И. С. Шмелева от старорусских заветов — в общем было поверхностно и невелико.

«Я, либерально настроенный, я был, по плоти духовной, весь — в монархии, — писал он в 1925 году П. Б. Струве — ...суть — душа — идея монархии являлась для меня душой России».

Поэтому когда грянули всеиспепеляющие грозы революции, когда наступили страшные дни, в которые, по образным словам И. С. Шмелева: «Дух смерти вынул из человека сердце; когда люди ценили кровь ниже плохого вина, а слезы были дешевле соли», — в душе писателя произошел решительный и окончательный переворот. Он, своим страстным, искренним и страдающим сердцем, ощутил всю жливість, порочность, искусственность и враждебность России, тех путей, по которым так долго шло русское образованное общество, и которые привели к гибели великое русское Царство.

Со своей исключительно тонкой духовной организацией, со своей повышенной совестливостью и искренностью, И. С. Шмелев, отвергнув душой всю ложь революции во всех ее обликах, не мог остановиться на полпути, не мог, подобно многим своим современникам, продолжать, хотя бы частично, верить тому великому обману, который погубил Россию. Он раз и навсегда отрекся от революции, от всего того, что с нею было связано, и со всей искренностью, вернулся в тот чи-

сто русский мир, к которому он принадлежал по крови, и, который, непризнаваемый и попираемый интеллигентским обществом составлял, в сущности, душу русского народа.

«В прошлом, — писал он тому же П. Б. Струве, — у всех нас в России, было много живого и подлинно светлого, что быть может, навсегда утрачено. Но оно было. Животворящее, проявление Духа Жива, что убито, — своею смертью, воистину, должно поправить Смерть. Оно жило — и живет донныне — как росток в терне, ждет...»

Ощущение этого «Духа Жива», освещавшего русскую народную жизнь, помогло И. С. Шмелеву чудесно воссоздать стародавний, московский мир, в его, необыкновенных по поэтическому восторгу и вдохновению, произведениях: «Лето Господне», «Богомолье», «Няня из Москвы», «Пути Небесные», «Куликово Поле», «Валаам» и многое другое.

В поэтических видениях прошлого он вновь обрел те духовные ценности, которые укрепили в нем веру в русский народ, даже несмотря на все преступления, жестокости, зверства, им совершенные в годы духовного мрака.

Не только внешняя красота, жизненная крепость, многокрасочность бытовой ткани старой русской жизни, были показаны писателем в его поэмах о Руси — как мы вправе назвать все написанное им в эмиграции — но, и что самое главное, им была открыта и показана с редкой художественной правдой самая основа русского духа, и те источники духовной силы, коими издавна был одарен русский народ. Источниками этой силы, как это показал своим интеллигентным современникам, И. С. Шмелев — была Православная вера, Православная Церковь, определявшие весь ход жизни благочестивых русских людей и замыкавшие их в чудесный круг «Лета Господня», а также русская народная совестливость и любовь к своему отечеству.

И. С. Шмелев, в отличие от многих своих современников, не отрекся от своего народа в самые страшные дни революции. Он не стал потешаться над «народом — богоносцем», увидев его в скотском и зверином облике; он понимал, что «Свет Разума», как многозначительно назван им сборник рассказов о революционной России, вовсе не погас в русских душах.

В одном из рассказов этого сборника «Блаженные», он повествует о прощальном своем посещении одной усадьбы, где он встретил старых знакомых: одного педагога и его жену. «Он (педагог) слыл за анархиста-индивидуалиста, переписывался с Крапоткиным, и славился яростной борьбой с церковными школами, называл их мракобесием и сугубокасию чушью. Теперь же над его койкой висела даже икона, в венчике из незабудок, и лампада. — «Перемены радикальные, и во всем... — говорил педагог, — но их надо искать, видеть духовным оком! Одни оподлись, зато другие показывают удивительную красоту душевную. Та «правда» в народе, которую мы искали, которой поклоняться слепо, теперь открылась нам обновленной, просветленной, приобрела для нас уже иной смысл: не правды равенства в материальном..., а правды, как субстанции Божества... как воплощения Его в нас».

Духовным оком, остротой своего духовного зрения, увидел и И. С. Шмелев в революционном хаосе, ту удивительную красоту душевную простых, немудрых, неискушенных науками, русских людей, коих, может быть, и не так много, но которые составляют — и всегда составляли — сердцевину России, и которыми она жила и будет жить. Свою родословную люди эти, как раз, и ведут от тех чисто русских, московских, людей, вроде Горкина или московской няни, которые-то и сформировали когда-то русскую душу И. С. Шмелева и помогли ему донести до конца его многотрудной жизни «неупиваемую чашу» русского духа.

То, что написано И. С. Шмелевым заграничной о России и о русских людях — это великое прозрение, рожденное муками революции и тоскою изгнания. Непоколебимая убежденность в силе русского духа дала писателю совершенные необыкновенные поэтические средства для изображения старой России,

По постановлению Собора Епископов Русской Православной Церкви за границей (1956 г.), день 17 июля, день покаяния и строгого поста.

В воскресенье, 17-го июля с. г., в 42-ую годовщину убиения Государя Императора НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА и Его Августейшей Семьи, в зале «Бельгийского О-ва Взаимопомощи» (ул. Иполито Иригожен, 2521) состоится Т Р А У Р Н О Е С О Б Р А Н И Е

На собрании, с докладом на тему: «Проф. Альберто Фальсионели о царствовании Императора НИКОЛАЯ II» выступит Н. И. Сахновский.

Начало в 17 часов. Вход свободный.

В воскресенье, 10-го сего июля, после торжественного освящения Кафедрального Собора Воскресения Христова (ул. Нуньес, 3541) Сретенским Сестричеством будет предложена присутствующим ЗАКУСКА.

6-го сего июля в салоне Harrods-Florida 877 состоялась открытие ВЫСТАВКИ МОЗАИЧНЫХ РАБОТ архитектора ЕВГЕНИЯ СПИРИДОНОВА — РУССКИЕ ИКОНЫ XIII-XV в. в.

особенные, яркие, далекие от старых шаблонов. Это-то, в сочетании с редкой его искренностью, страстностью, преданностью национальной идее — обеспечили его литературному наследству, доступное человеческому слову, бессмертие.

Решительный отход от вульгарных интеллигентских взглядов, отречение решительное и бесповоротное от пошлых «истин» левого мышления; страстная приверженность к России, или, вернее, даже к Руси; высокий идеализм и крепость религиозного чувства сделали И. С. Шмелева духовно чуждым тем, которые свое отношение к России строят на формулах устаревшего интернационального политического словаря и на выдохнувшимся позитивизме.

Люди этого толка не только не хотят, но просто не в состоянии понять того, что И. С. Шмелев не простой бытописатель, вроде, скажем, Мельникова-Печерского, каким хочет сделать его либеральная критика, а страстный искатель истины, человек, всю свою жизнь, стремившийся найти ответы на самые жгучие вопросы не только чисто русские, но и общечеловеческие. В этом отношении особое значение имеет его книга «Пути Небесные», в коей им поставлены самые животрепещущие вопросы духа. Да, и везде, во всех его произведениях, где казалось бы, весь упор делается на внешнее, на чисто бытовые черты, основой является духовная сущность русского человека, его способность падать, грешить и вместе с тем, страстно лить слезы о своем окаянстве, о своей греховности.

«Здесь левые и «демократические организации» также сводят счеты со мной, также помогают советским. Эта тихая травля ведется с той поры, когда я здесь «определился»... Я знаю: есть скрытое стремление мешать читателю (новому) узнавать меня. Мое «Солнце Мертвых» многим стало поперек горла. И если я борюсь со всем этим, я борюсь не за свое имя (я его уже имею и его никто не соотрет), а за достоинство писателя эмигранта, желающего писать так, как велит ему дух и воля». Так писал проф. Зайцеву (ныне Архимандриту Константину) И. С. Шмелев, по поводу отношения к нему левых эмигрантских кругов. Это отношение, повредив писателю жизненно (оно отрезало ему путь в Америку), несколько не отразилось на отношении к нему широких кругов тех русских людей, для которых мысли и чувства писателя стали родными и близкими. Популярность И. С. Шмелева в этих кругах очень велика и, скажем, «Лето Господне» или «Няня из Москвы» — являются любимыми книгами тех, кто еще не потерял свое «шестое», чисто русское чувство.

А, это свидетельствует о том, что творчество И. С. Шмелева, пока жив русский идеализм и пока жива русская душа, ищущая «путей небесных», будет привлекать к себе именно тех людей, которые составляют соль земли русской. Они, в свое время, признают И. С. Шмелева кровно своим и обеспечат ему всероссийскую славу, любовь и почитание.

Г. Месняев

АРХИЕПИСКОП СЕРАФИМ ЧИКАГСКИЙ И ДЕТРОЙТСКИЙ

БЫТОПИСАТЕЛЬ РУССКОГО БЛАГОЧЕСТИЯ

(К ДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ И. С. ШМЕЛЕВА)

Десять лет тому назад, 11/24 июня 1950 года, в 9 часов вечера, в день памяти св. апостолов Варфоломея и Варнавы, в женской обители Покрова Пресвятой Богородицы, во Франции, отошел в лучший мир великий и светлый наш современник писатель Иван Сергеевич Шмелев.

Мне Господь дал радость без малого двадцать лет иметь сначала письменное, а потом и личное с ним знакомство. Около десяти лет Иван Сергеевич украшал своим сотрудничеством страницы «Православной Руси», редактором которой мне довелось быть более 18 лет.

В мае 1937 года Шмелев впервые посетил миссионерскую обитель преп. Иоанна Почаевского во Владимирской на Карпатах, где тогда издавалась «Православная Русь», и прогостил у нас больше трех недель. По случаю его приезда, я написал статью «Дорогой Гость», в которой старался показать все значение для русской литературы этого непревзойденного «бытописателя русского благочестия», как я тогда называл Шмелева. Статья была написана под обаянием личного знакомства и долгих интересных бесед с Иваном Сергеевичем, покорившим меня тонким знанием глубин Православия. С тех пор прошло 23 года, но лучше о нем я и теперь не напишу. А потому позволю себе наиболее актуальную часть этой статьи предложить вниманию современного читателя:

«...Иван Сергеевич Шмелев! Кому из русских православных людей, любящих родную литературу, не дорого это имя?! Никто из современных русских писателей не проник так глубоко в душу русского народа, не выявил ее надмирную сущность, не отметил ее запечатленность, как Иван Сергеевич.

Трудно, о как трудно, понять и раскрыть во всей полноте душу русскую. Над изломами ее потрудились немало писателей. Не многим удалось заглянуть в ее святая святых. Пушкин шел верной тропой в «горня» души русской. Преждевременная смерть скосила его на полпути. Гоголь, было, пытался продолжить восхождение за своим другом любимым и пал, подкошенный, у врат царствия. Могучий Достоевский приподнял, было, таинственную сию завесу, но широко раскрыть ее не успел. Другие писатели ходили больше ошупью в русских духовных потемках. Из них ближе всего к пониманию был Лесков. Недаром его едва не затравила наша старая политиканствующая либеральная литературная критика.

Вихрем прошумела революция. Сорвала таинственные девственные покровы. Обнажилась душа русская, показала сокровенное, ни для кого дотоле незримое, — светлую сущность свою. Обнажили ее, распяли. Распяли и насмеялись. Не увидели очами слепотствующими красоты ее нездешней. Удивляться ли, что человечество, первообраза души русской — прекраснейшего и чистейшего лика Христова, тоже не рассмотрело и подняло обезумевшие руки на Господа и Бога своего.

Сняли со креста распятую люду благоговейные, омыли росой слезною, помазали вонями благовоными, облекли в ризы светлые, запечатлели лобзанием

К ДРУЗЬЯМ!

Дорогие друзья!

В состоянии моего здоровья нет особых перемен, выздоровление идет чрезвычайно медленно, и за столом я провожу значительно меньше времени, чем в постели, которая настойчиво зовет меня к себе каждые полтора-два часа. Слабость доминирует над всем, но избавиться от нее можно лишь ликвидировав внутренние поражения, нанесенные и тромбом, и кровоизлиянием в мозг. И лечение, и массажи продолжают, и мое сегодняшнее состояние является, конечно, результатом постоянного внимательного наблюдения врачей, надеющихся, как и я сам, на скорое окончательное выздоровление.

Всем, помнящим обо мне, о чем свидетельствуют многочисленные письма и продолжающаяся материальная поддержка — сердечное спасибо!

Вс. Дубровский

святым и схоронили до времени ее светлого воскресения от помраченных злобой и ненавистью взоров распинателей.

Наступила Великая Русская Суббота. Двадцать лет длится она. Долго? — Миг перед вечностью. Палачи справляют кровавую тризну. Упиваются, хмелеют от крови. А душа русская тихо зреет под спудом для воскресения. Иосифы и Никодимы русские, которым Промыслом Божиим была открыта для внутреннего лицезрения ее бездонно глубокая сущность, радостно повествуют ныне о своем видении могущим понять и приять.

Иван Сергеевич Шмелев — один из сих избранных аримафейцев. Великое личное страдание отверзло до конца духовные очи писателя. Вынута трепетное сердце, пылающий огонь осветил внутренняя, и полились оттуда источники воды живой.

Вдохновенно утверждает Шмелев виденное им душою своею. Зорко смотрит внутрь — освещена душа светом Христовым — и видит он в с е. Одежда и преукрашена благоухает пред ним душа русская. И ласково, и радостно, как жены мироносицы, делится прозоритель своим видением.

Образы чистые, образы светлые встают перед зачарованным читателем. Вернейший шестует Св. Русь. Вперед отец Варнава, ласковый прозорливец — утешитель народный, за ним старичек Михаил Панкратыч Горкин в казакчице — угодник Божий в миру, няня из Москвы, которой безмолвно судится мир, Феда — ревнитель благочестия, нежная Даринька, грех поборящая, валаамские иноки... Все-то светлые, живые — душа русская в лучах радуги полноцветной.

Дал Господь Шмелеву дар продолжить дело заветное Пушкина, Гоголя, Достоевского — показать смиренно сокровенную православную Русь, душу русскую, Божиим перстом запечатленную. Но, не кончена еще миссия писателя. Не все еще сказано... (Правосл. Русь № 10 (216) от 20 мая 1937 г.).

*

Дело в том, продолжу я теперь, что Шмелев приехал в наш монастырь со специальной идеей — продолжения писания дальнейших томов его «Путей Небесных». Еще до написания им первого тома этого последнего его вдохновенного труда, в одном из ранних писем ко мне, Шмелев обмолвился, что бывал в Оптиной и видел старцев. Тогда я стал просить его усердно, поделиться своими воспоминаниями об Оптиной в «Православной Руси». Иван Сергеевич обещал прислать несколько очерков. Проходит полгода, а может быть, и больше — от Шмелева из Парижа «ни гласа, ни послушания». Наконец, на мои повторные усиленные просьбы, приходит, приблизительно такой ответ: «Начал было писать для Вас очерки об Оптиной, но, вместо них, получается целый большой роман, для «Православной Руси» не совсем подходящий, а потому, в виде компенсации, переработаю и пришлю для Вас свое юношеское произведение: «На скалах Валаама». Чудом удалось мне его достать».

И действительно, через некоторое время, мы получили «Старый Валаам» — замечательное новое творение Шмелева, ибо от его «На скалах Валаама» остался только сюжет, только канва...

Но, вот первый том «Путей Небесных» написан и напечатан. Даринька с Виктором Алексеевичем уехали из Москвы в «Уютово» под Мценском, откуда рукой подать до Оптиной. Набросан план второго тома — благословенная красота провинциальной русской жизни в «Уютове». Надо готовить верную картину монастырского жития, чтобы на фоне его с предельной глубиной и ясностью изобразить обращение к Богу, преобразование и очеркование русского интеллигента-вольномудца. Показать для будущих поколений, доживших до нашего лихого безвременья, что может, м о ж е т душа русская возродиться, как бы низко она ни пала. Ведь, Виктор Алексеевич после трагической смерти Дариньки, предсказанной ей старцем Амвросием, уехал в Оптину, где и окончил жизнь свою иноком, совершенно преображенным, нашедшим себя во Христе.

Шмелев говорил мне, да и не мне одному, что Даринька и Виктор отнюдь не выдуманные персонажи романа, а действительно жившие люди под этими же именами. Если не ошибаюсь, Виктор Алексеевич был дядей или другим близким родственником супруги писателя Ольги Александровны. История их была только несколько литературно расцвечена Иваном Сергеевичем*).

И вот, Шмелев, прибыв во Владимир, постарался как можно лучше познакомиться с повседневной монастырской жизнью: ходил на богослужения, обходил послушания, беседовал с братией, особенно с валаамцами, как предшественниками довоенного поколения русского монашества. В свободное время уходил в библиотеку и читал об Оптиной, о старцах и, вообще, о русских монастырях.

Много ли узнаешь за три недели, когда вдруг Ивану Сергеевичу пришлось по каким-то неотложным делам спешно возвратиться в Париж. Вот почему, он снова приехал к нам в следующем 1938 году и хотел остаться на полгода, а то и на год, чтобы в монастырской тиши поработать над продолжением «Путей Небесных».

Увы, не было, очевидно, на это воли Божией. Иван Сергеевич приболел немного у нас, а тут Хитлер захватил Прагу и Шмелев, боясь быть отрезанным, спешно возвратился в Париж к своим пенатам.

Прожумела Вторая Мировая война. После ряда трудных этапов мы, в 1946 году, почти всем монастырем, переселились из Владимирской в США и влились в братство Св. Троицкого монастыря. Вскоре после прибытия списываемся со Шмелевым, и он выражает желание приехать в Америку, поселиться около нашей новой обители и там писать третью часть своего романа. Он попрежнему считает, что ее, по-настоящему, можно написать только в благоголубой молитвенной монастырской обстановке.

К сожалению все наши хлопоты о внеквотной визе для Шмелева оказались безуспешными. Для великого русского писателя-художника американские эмиграционные власти отказались сделать исключение, а ждаль очередной квоты надо было 4-5 лет. Тут ухудшилось давнее болезненное состояние Ивана Сергеевича, которое и свело его в могилу. Все же он успел в Париже написать второй том «Путей Небесных», направив его еще более по церковным путям.

Хотелось бы, чтобы этот мой скромный очерк послужил, как материал будущему биографу писателя. Несомненно Шмелев будет принят в Пантеон русских классиков. Лично я считаю его лучшим из современных нам русских писателей и ставлю его выше Бунина. «Лето Господне» — несомненно лучшее, что было когда-либо написано в литературной форме о благодатном нашем церковной быте. Лучшего бытописателя русского благочестия не было в русской художественной литературе, нет и вряд ли будет.

Да упокоит Господь Милосердный в селениях праведных светлую душу раба Божия Иоанна! А нам следует чтить его память из рода в род.

Архиепископ СЕРАФИМ

*) Ю. А. Кутырина. Справка к роману «Путей Небесных» И. С. Шмелева. Виктор Алексеевич Вейденгаммер мой двоюродный дед, дядя моей матери Олимпиады Александровны Кутыриной и ее сестры Ольги Александровны Шмелевой, жил действительно и, по полученным мною (в этом, 1960 году) данным, из составленной Константином неромонахом Оптиной пустыни рукописи, хранящейся в Ленинской библиотеке, под заглавием «Замечательные случаи Оптиной Пустыни и Предтечева скита (1862-1916)», — является ныне, возможным удостовериться, что, действительно, Виктор Алексеевич Вейденгаммер (инженер-архитектор) поступил в скит послушником 14-го июня 1900 года и скончался 17-го апреля 1916 г. Известно также, что новая церковь Предтечева скита Оптиной Пустыни была построена под его руководством.

Проф. К. Томилин

ПАМЯТИ И. С. ШМЕЛЕВА

24-го июня истекает десятилетие со дня кончины Ивана Сергеевича Шмелева, выдающегося писателя земли русской, поборника Православия, пламенного патриота.

Иван Сергеевич Шмелев оставил после себя огромное литературное наследство. Из год в год растет его мировая известность.

Подобно Достоевскому, он глубоко проникает в тайники человеческого сердца, в тайники загадочной русской души. К тому же надо заметить, что стиль его творений находится в полной гармонии с их содержанием. Его прославленное произведение «Лето Господне» — дивный, неувыдаемый памятник русской святой старины. Его лебединая песнь — «Путей Небесных» полна глубокого драматизма и светлого небесного озарения. Это — не только любовный роман, — в нем затронуты волнующие вопросы о смысле жизни, о поединке добра и зла, о силе молитвы и покаяния. Главу этого романа «Крестный сон» трудно читать без слез.

Необходимо также отметить глубокую веру И. С. Шмелева в русский народ. Даже в таком страшном потрясении произведении его, как «Солнце Мертвых» просвечивает светлая надежда на воскресение «мертвых», на неизбежное Возрождение России.

Радостно сознавать, что в наше время в Париже здравствует племянница И. С. Шмелева, Юлия Александровна Кутырина. Она переселилась во Францию в 1918 году, и с тех пор ее жизнь тесно сплелась с последними годами парижской жизни покойного писателя. Всю свою изумительную энергию Ю. А. Кутырина посвятила увековечению памяти великого русского писателя. Она состоит председателем Общества Друзей и Почитателей памяти И. С. Шмелева. Она же делает доклады о творчестве И. С. Шмелева в Русском Научном Институте в Париже. Ее интересные очерки о Шмелеве появляются на страницах газет. В этих очерках она дает много нового материала о творчестве своего великого дяди.

Пожелаем же Ю. А. Кутыриной сил и здоровья для продолжения ее огромного труда о Шмелеве, который войдет в историю русской литературы, как драгоценный вклад.

Проф. К. Томилин

В субботу, 9 июля с. г. в сороковой день кончины
**БОРИСА ЛЕОНИДОВИЧА
ПАСТЕРНАКА**
после всеобщей, в Храме Св. Троицы (ул. Бразиль 315) будет отслужена

ПАНИХИДА

Союз Российских
Антикоммунистов.

СОЮЗ РОССИЙСКИХ АНТИКОММУНИСТОВ сообщает, что в субботу, 23-го сего июля, в 17 часов, в Доме Русских Белых (Карлос Кальво 2951) состоится

ЧАШКА ЧАЮ,

во время которой В. К. Филиппов и А. М. Бочаров поделятся своими впечатлениями о состоявшемся в Мюнхене Антикоммунистическом Съезде.

ЗУБНОИ ВРАЧ
Д-р. PISAREDICH de HORNBAIN
Доктор медицины с дипломами двух университетов: Бухарестского и Роттарно (говорит по-русски).
Лечение и удаление (без боли) и протезирование зубов.
Прием ежедневно от 15 до 20 час.
Boulogne Sur Mer 541
p. 2, dpto. H
Capital T. E. 88-3605
(Один квартал от станции субтеранео «Пуэйрредон» по линии Федерико Лакросе).

Во избежание затруднений, прошу подписную плату — почтовые переводы, чеки и прочее — адресовать впредь исключительно:

Tatiana Kirew de Dubrowsky
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires — Argentina

ХРОНИКА НАРОДНО-МОНАРХИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Продолжаем дискуссию в связи с анкетой, предложенной П. П. Крачковским («Наша Страна» № 529), с целью обсуждения и разработки основных положений Программы Народно-Монархического Движения.

МОЕ МНЕНИЕ

В ответ на призыв «Нашей Страны», № 498 и 529, я хочу поделиться моим мнением с читателями этой газеты по вопросам, выдвинутым г. П. П. Крачковским.

1. Россия НИКОГДА не была абсолютной Монархией, это «привилегия» исключительно восточных народов, в большинстве своем исповедующих ислам. Поэтому, говорить о возможности для России Абсолютной Монархии, не приходится. И по характеру русского народа и по учению Православной Религии нашей, в будущей России, не только возможна, но необходима будет Монархия Самодержавная, во главе с Самодержавным Императором Всея Руси.

Говорить о Монархии конституционной, также не приходится, потому что слово «конституция» означает наличие основных законов Государства, — безразлично, Монархии или республики. Такой Свод Основных Законов Российской Империи, представлял собою 1-й том Свода Законов.

Парламентаризм, не только в России, но в реорганизации будущего мира, совершенно невозможен. Мы видим, какие плоды принес он миру на наших глазах, начиная от парламента страны до парламента мирового — ООН. Кроме этих его качеств, парламентаризм — очень дорого стоящая игрушка, требующая частых починок. Русский народ должен будет экономить деньги для других более нужных целей. Парламент, в буквальном смысле перевода с французского, означает «говорильня». Русский народ, избавившись от большевиков, не будет иметь времени на разговоры.

2. Разрешение аграрного вопроса в былой России, стояло на должной высоте. Брошюра, «Царствование Императора Николая Второго — 1894-1917 — в цифрах и фактах», изданная Исполнительным Бюро О. М. Ф. и составленная Б. Л. Бразодем, говорит об этом в достаточной мере. В будущей России останется только продолжить неоконченное, чтобы крестьяне имели в своем распоряжении ту землю, которую они обрабатывают. Детали могут быть разработаны только на месте.

3. Торговля в будущей России должна быть только частная, что даст возможность широкой конкуренции. В этом случае цены на продукцию регулируются не спекуляцией, но спросом и предложением, как это было раньше, когда потребитель не знал бесконечного количества разного рода «посредников» между ним и производителем.

Торговля табаком и спиртными напитками должна быть сосредоточена исключительно в руках государства, чтобы не создавать класса кабатчиков, — на манер Франции, — играющую значительную роль в судьбах страны.

4. Внешняя торговля должна быть также частная, за исключением табака и спиртных напитков, но денежные операции должны будут производиться ТОЛЬКО через Государственный Банк, путем учета международных векселей. В этом случае будет предотвращена утечка капиталов за границу и спекуляции на русской валюте.

5. Промышленность в будущей России, должна быть и частная и государственная, как это было до революции. В этом случае не может быть роста государственного капитала, как и частного, потому что, в чистом виде, и тот и другой, опасны для государства; это для крупной промышленности. Мелкая же, может быть сосредоточена, как в частных руках, так и в руках артелей и кооперативов. При этом не надо понимать кооперативы в том виде, как они существуют за границей, т. е. складчину нескольких (5-6) богатых людей. Их надо понимать в том виде, в каком они существовали в дореволюционной России, когда пай не мог превышать 25-ти рублей на одного человека и, когда каждый пайщик не мог иметь более одного пая.

6. Денационализированная промышленность и все виды транспорта в будущей России, — в первое время, — должны поступить в распоряжение Государства, Правительство которого работает потом план передачи его в частные руки. Решать этот вопрос в какой бы то ни было форме здесь, невозможно.

7. В будущей России должны быть использованы все виды страхований; частное, смешанное и государственное, до того времени, когда Государство будет в состоянии взять на себя целиком всю эту отрасль «коммерции», приносящую немалые прибыли.

8. Самый сложный вопрос, требующий всестороннего изучения и разрешения его во всех областях жизни рабочего, это рабочий вопрос, до сих пор еще нигде не разрешенный, то ли благодаря давлению со стороны частного капитала, то ли со стороны капитала государственного.

В этом случае, будущей Императорской России, путем законодательства, придется не только восстановить институты фабричных инспекторов и окружных инженеров (для рудников и химических заводов при них), но и расширить их права, так как они являлись первыми защитниками рабочих и непосредственными наблюдателями за условиями, в которых производилась работа, на том или ином предприятии, на

том или ином руднике. Огромную роль в рудничных районах играли также и окружные ветеринары, наблюдавшие за подземным составом лошадей, в смысле состоянии их здоровья; в особенности, в случаях обнаружения сапа. Без согласия окружного инженера или фабричного инспектора, не может быть увольнений.

Далее, нигде за границей, никто, кроме рабочего, не отвечает за увечья и смертельные случаи с рабочими. В былой России было предусмотрено, что на место несчастного случая, — в зависимости от его значительности, — выезжала полиция или следователь, для составления протокола о причинах происшедшего и, если это было по недосмотру со стороны администрации, виновные привлекались к уголовной ответственности. Благодаря этому несчастные случаи с рабочими на предприятиях, были сведены до минимума.

По примеру дореволюционной России, на больших фабриках, заводах, рудниках и т. д. медицинская помощь должна будет быть организована непосредственно в районе этих предприятий, с суточным дежурством врачей, фельдшеров, акушеров и сестер милосердия, чтобы в случае несчастного случая, эта помощь могла бы быть оказана немедленно. Уплата больничных денег рабочим должна будет производиться с первого дня болезни или несчастного случая. В случае смерти на работе, семье рабочего должно быть обеспечено не менее 75% его заработка. Также должны будут оплачиваться отпуска рабочих. Очень мудро был разрешен вопрос о пенсиях рабочим в дореволюционной России. Уже в 1910-ом году (см. брошюру г. д-Эстернелль, «Что мы видели в России», изданную в Париже, в начале 1911 года) начали функционировать пенсионные кассы. Вложения в них составляли: а) вычеты из заработка в размере 2% и б) и такие же вычеты с предприятия, в размере 4%. Таким образом, на каждый заработанный рабочим рубль, он имел на своем пенсионном счету — 6 копеек. Все канцелярские расходы по ведению о пенсионной отчетности, ложились на счет предприятия. В случае перехода рабочего в другое предприятие, его счет и деньги направлялись туда же. Увольняясь на пенсию, рабочий получал из кассы предприятия в тот же час, все деньги, накопленные им в течение долгих лет работы. Государство же избавляло себя от необходимости изыскания пенсионных кредитов. Бесплатная медицинская помощь оставалась в распоряжении пенсионера. Арбитражные суды обязательны и безапелляционны.

Что касается рабочих синдикатов, то практика изгнания, показала, что они и когда не достигали своей цели, благодаря внесению в них политического элемента, но путем обнищания рабочего за период забастовки, озлобили его и направляли в нужную для политиканов сторону. В этом случае необходимо будет специальное законодательство в области инспекции труда.

Народное образование, по примеру дореволюционных лет обязательно и бесплатно для каждого, но только в низших школах. Среднее и высшее образование должно оплачиваться родителями; при этом должна быть организована широкая система стипендий, для особенно способных учеников и студентов.

Нельзя будет требовать от будущей России, как нельзя требовать и от любого другого государства, — бесплатного среднего и высшего образования, потому что это ляжет невыносимым бременем на государственный бюджет и повысит государственный налог, который и без того, будет велик в первое время. Есть этому и другие причины государственного значения, говорить о которых в короткой статье, не представляется возможным.

10. (От меня). Организация здравоохранения в будущей России должна быть поставлена на должную высоту. Здесь также необходимо будет вернуться к прошлому, когда врач о бязан был являться к больному в течение 24-х часов, т. е. в любое время дня и ночи, не исключая и праздничных дней. Аптеки не могут быть закрыты никогда, имея смену дежурных провизоров, чтобы в любое время дня и ночи дать первую помощь заболевшему на улице или отпустить лекарство внезапно заболевшему.

Каждый город и селение, должны будут иметь одного или больше, бесплатного врача, равно, как и одну или больше, бесплатных, городских или земских аптек, как это было в дореволюционной России. Кроме этого, Министерством здравоохранения должны быть открыты госпитали, в которых могли бы лечиться за счет социального страхования, которое должно быть обязательным для всех работающих в той или иной отрасли; на фабриках, заводах, в банках и других учреждениях будущей России.

11. (От меня). Государственный Контроль. В отличие от былого, исключительно финансового, будущий Государственный Контроль, должен быть многогранным и покоиться на основах абсолютной законности и ответственности перед законом. Право контроля должно распространяться не только на государственные учреждения, но и на частные предприятия. Это не должен быть какой-то «особый» отдел, безапелляционный в своих действиях. Наоборот, всякое его действие, вышедшее за рамки закона, может быть обжаловано.

Много можно сказать на тему об устройстве будущей Императорской России, о ее отношениях с внешним миром, но это потребует уже большого и, пожалуй, многотомного труда. Я же отвечаю здесь только на поставленные вопросы, в порядке моего мнения. Апрель 1960.

Н. Сигида, Филадельфия.

Возраст: 68 лет.

Эмигрант 1920 г., Дроздовец.

В данное время — Член Исполнительного Бюро О. М. Ф.

Мальчишка отошел к другому костру. У нашего — опять воцарилось молчание. Кто-то предложил: спеть бы... «Ну, спой». Один из мальчиков лихо вскочил на ноги, извлек из кармана что-то вроде кастаньет и, приплясывая и подергиваясь, задорно начал блатную песенку:

За что мы страдали, за что мы боролись,
За что мы проливали свою кровь?
За накрашенные губки, за колени ниже юбки,
За эту распрюклятую любовь?..

*

«Маруха, Маруха, ты брось свои замашки,
Они комплементируют мене».
Она ему басом: «иди ты к своим массам,
Не буду я сидеть в твоём клубе»...

Забубенный мотив не подымает ничьего настроения. «Да брось ты!» Певец артистически выругался и сел. Опять молчание. Потом какой-то голосок затянул тягучий мотив:

Эх, свисток, да браток, да на ось,
Нас опять повезет паровоз...
Мы без дома, без гнезда, шатя беспризорная...

Песню подхватывают десятки негромких голосов. Поют — кто лежа, кто сидя, кто обхватив колени и уткнув в колени голову, кто тупо и безнадежно уставившись в костер — глаза смотрят не на пламя, а куда-то внутрь, в какое-то будущее — какое будущее?

...А я, сиротинка,
Позабыт от людей.
Позабыт, позаброшен
С молодых ранних лет,
А я, сиротинка,

Счастья, доли мне нет.

Ах, умру я, умру я,

Похоронят меня —

И никто не узнает,

Где могилка моя.

Да о могилке не узнает, действительно, никто... Негромко тянется разъедающий душу мотив. Посеревшие детские лица как будто все сосредоточились на мыслях об этой могилке, которая ждет их где-то очень недалеко: то ли в трясине ближайшего болота, то ли под колесами поезда, то ли в цынготных братских ямах колонии, то ли просто у стенки БК ОГПУ...

— Сволота пришла! — вдруг говорит один из «колониистов».

Оборачиваюсь. Во главе с Ченикалом шествует штук двадцать самоохранников. Песня замолкает. «Вот сколопендры, гады, гадючье семя»...

Самоохранники рассаживаются цепью вокруг площадки. Ченикал подсаживается ко мне. Ребята нехотя подымаются:

— Чем с гадами сидеть, пойдем уж копать, что ль...

— Хай сами копают... Мы насаживаться будем, а они — сидеть, да смотреть. Пусть и эта язва сама себе могилу копает...

Ребята нехотя подымаются и с презрительной развалочкой покидают наш костер. Мы с Ченикалом остаемся одни. Ченикал мне подмигивает: «вот, видали, дескать, что за народ»... Я это вижу почище Ченикала.

— А вы зачем, собственно, свой отряд привели?

— Да что б не разбежались.

— Нечего сказать, спохватились, мы тут уж три часа.

Ченикал пожимает плечами: «как-то так очень уж скоро все вышло»...

*

Дневник наблюдателя

КАСТРОСТРОФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Прежде того, чтобы начать говорить о вопросах всемирного значения, позволим себе проявить наш Южно-Американский патриотизм и коснуться поездки нашего аргентинского Президента, г-на Артуро Фрондиси, в страны Европы. Собственно говоря, описать довольно трудно, т. к. все в этой поездке протекает без событий, из ряда вон выходящих. Нам, однако, особенно приятно сказать о том, что во всех странах Европы Фрондиси оказывается самым задумчивым и торжественным прием. Прием ему оказывают и Короли и Президенты, и встречать ему приходится также и людей, относящихся к промышленным и финансовым кругам, а также журналистов, на пресс-конференциях с которыми у Фрондиси возникают оживленные беседы.

Как в личных разговорах, так и в общественных встречах Фрондиси постоянно напоминает европейским промышленникам и финансистам, что то время, когда Латинская Америка была отдаленным миром, другим материком, местом, куда ездили богатеть, — это время теперь ушло навсегда. Латинская Америка теперь крепко включена в общеевропейскую промышленную жизнь и пренебрежение промышленными и финансовыми интересами ее чревато последствиями, могущими иметь опасный международно-политический характер. Высказывания Фрондиси встречены сочувственно. Есть все основания ждать вложения постоянно нарастающих сумм европейского промышленного капитала в Латинскую Америку, причем кем-то брошено было замечание, что вложение капиталов в экономику Южной Америки удобно особенно еще и потому, что ее страны удалены от фронтов войны, и атомные бомбы здесь рваться не будут.

Говорил Фрондиси и о том, что если Латинская Америка будет оставлена на произвол судьбы, то судьба может ею распорядиться в таком же мало удачном порядке, как она распорядилась Кубой. И против этого Фрондиси предостерегал со всей серьезностью.

А в Кубе именно происходит самая настоящая кастрострофа. Фиделю в свое время повезло. Свергнув диктатора Фульхенсио Батисту, он возложил на себя венок победителя демократа. Весь демократический мир так охотно согласился с тем, что Кастро присвоил себе этот титул, что никому и в голову не пришло проверить Кастров паспорт на право называться демократом, и не скоро стал понятен его подлинный большевистский лик. Длительное время Фиделю Кастро удавалось прикидываться демократом и длительное время ему верили, хотя он и держал весьма прогрессивный тон во всех революционных мероприятиях. Конфискация земель вызвала осторожность и, т. к. тут были затронуты интересы американского капитала, возникло напряжение. Ожидалось, что США наложат меры взыскания на Кубу по линии сахарного рынка, прижав Кастро ценами. Но очевидно, ему сделаны большие авансы со стороны самой прогрессивно-демократической республики, т. е. СССР, и Кастро, не боясь никаких последствий, приказал иностранным нефтяным компаниям производить очистку советской нефти. Те отказались, т. к. их деятельность включена в давно организованную цепь предприятий, в ответ на что Кастро конфисковал нефтеперегонные заводы компаний Тексако, Эссо и Шелл.

Надо сказать, что отношения между Кастро и этими компаниями уже давно не были блестящими, т. к. революционное правительство Кубы не заботилось платить по счетам компаний уже с прошлого мая. Отношения между бывшим демократом Кастро и правительством США сделались напряженными до крайности, т. к. не ограничиваясь конфискацией сначала земель, а теперь и крупнейших предприятий, Кастро во всех своих бедах винит американцев и в речах своих пользуется лексиконом, который не уступит, пожалуй, только хрусцевскому.

Конгресс США постановил принять экономические меры против Кастро, а один голос высказался прямо за то, чтобы Куба была оккупирована. Антикастристы заявляют, что на Кубе весьма многие настроены против Кастро, что более, чем правдоподобно. Кастро идет точно по пути, проложенному коммунистами. Если до сих пор мы име-

вали Кубу предострым укреплением коммунизма в Америке, то теперь уже будет своевременно назвать ее очередной социалистической республикой, лишь формально еще не включенной в состав СССР. А включена она в этот состав будет весьма скоро и Железный Занавес пройдет по водам Мексиканского залива и Караибского моря. Если, конечно, раньше не случится чего-либо еще более кастрострофического.

А случиться может, т. к. все происшедшее совершается на фоне классической какофонии сосуществования. Западный демократический мир, все еще воодушевляемый великими прогрессивными идеями пацифизма и прогресса, любовался конфискациями земель, капиталов, промышленных предприятий в России и в Восточной Европе и сосуществовал с коммунизмом. Демократии с бесконечным доверием надеялись, что туман недоразумения рассеется и между ними и коммунизмом установится, наконец, подлинная дружба и сосуществование. Поэтому в Женеве и заседали конференции по разоружению. Ее деятельность мы называли прямо толчением воды в ступе, т. к. нам отлично было понятно, что большевики туда не придут с искренним намерением разоружаться. Там воду люди и толкли, только представители Западных демократий делали это с уверенностью, что делают доброе дело. Кончилось скандалом. Когда, наконец, Западные предложили подлинно творческий план, способный постепенно повести к разоружению, то все страны советского крыла, по сигналу Зорина, демонстративно ушли с конференции, нарушив даже регламент заседания. Громыко представил вопрос разоружения на решение Генеральной Ассамблеи ООН, на осень.

Потом оказалось, что так они поступили по согласию с Хрущевым, который об этом и писал своим «коллегам», Айзенхауэру, Мак Миллану и де Голлю. На Западе еще есть оптимисты и надежды на возобновление конференции разоружения еще не потеряны, и это несмотря на все заявления советской печати. Раньше говорили: «Ангельское терпение!» Теперь надо говорить: «Терпение, поистине, демократическое!», не правда ли?

Ну-с,... а сам Никита Сергеевич в это время был занят на конгрессе румынской коммунистической партии. Его выступления там принимались западно-демократической печатью с восторгом, ибо он настоял на проведении своей политической линии: мирное сосуществование и недопущение войны! В этом отношении он стоит как бы в противоречии с красными китайцами, которые исповедуют, что для победы коммунизма нужна война (да по Ленину она и нужна для революции). Коммунистическая конференция в Бухаресте, то бишь конгресс, — вероятно имеет большое значение, т. к. для присутствия на нем Хрущев вызывал всех подручных коммунистов, а без особого объявления в Бухаресте появился Громыко, также созвучивший своих коллег из коммунистических стран. Обязательство не дали нам возможности присутствовать на их заседаниях, чтобы теперь информировать читателей о том, что там говорилось.

В эти дни Хрущев находится с визитом в Австрии, где ему оказывают холодно-спокойно-вежливо-дерзкий прием. Без улыбок, без толп ликующего народа... как отметила печать: «Вена встретила Хрущева без венского вальса». Но мы имеем смелость думать, что от этого Никита Сергеевич не пришел в состояние уныния. Его шутки, занимающие внимание не одного остряка в Европе не иссякают даже и теперь. Когда его спросили, не поедет ли он из Австрии в Венгрию, то он будто бы заметил, что — не имея приглашения, не поедет, т. к. не желает оказывать там в таком же положении, как Айзенхауэр оказался в отношении Японии».

НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ ЗА ГЛУПОСТЬ

Претендентов на премию Нобеля за глупость — если бы таковая премия существовала — нашлось бы, бесспорно, большое количество.

Но пальму первенства заслужила бесспорно та особа, которая глядя на Нину Хрущеву, рассматривавшую в Лувре изображение «Монна Лиза», — воскликнула: «У этой женщины улыбка Джоконды!»

КАЗНА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

В «Казну Великого Князя Владимира Кирилловича» поступили следующие суммы:

от «Р» (по пер. 13.5.1960) — 20.00 фр., от Е. Фортунатовой — 100 арг. песо, от Н. Максимовой — 100 арг. песо.

В з н о с ы в «Казну Великого Князя Владимира Кирилловича» приняты редакцией «Нашей Страны» и всеми ее представителями на местах.

ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА

ИМЕНИ
ИВАНА ЛУКЬЯНОВИЧА
СОЛОНЕВИЧА

В «Фонд издательства имени Ивана Лукьяновича Солоневича» поступили следующие суммы:

от Е. Фест — 4 ф. 2 ш., от Ив. Дмитриева — 5.00 фр.

В РЕДАКЦИЮ «НАШЕЙ СТРАНЫ» ДЛЯ ПЕРЕСЫЛКИ НА АФОН

поступили следующие суммы:
от прот. Н. Смирнова и Л. М. Смирновой — 100 арг. песо.

В Литературный фонд НАРОДНОЙ МОНАРХИИ поступили следующие

суммы:
от Е. Фортунатовой — 100 арг. песо, от Н. Максимовой — 100 арг. песо, от В. И. Рошупко (Лондон) — 2 англ. фунта, от полк. Ф. С. Родина — 200 франков.

С нарастающим шумом продолжается антикоммунистическое восстание в Тибете. Если до сих пор известия о его ходе исходили из неофициальных источников, теперь о борьбе с восставшими сообщает радио-станция из Красного Китая. Борьба с восставшими, китайские коммунисты затрагивают интересы Непала. Так при перестрелке ими был убит пограничник армии Непала. Очевидно, последуют протесты, жалобы и пр., но едва ли отсюда произойдут какие бы то ни было последствия. Во всем описанном, при совершающейся «кастрострофе» в Центральной Америке, при путанице в отношении сосуществования и разоружения, не легко угадать, на чьей стороне перевес в состязании на пути к конечной победе. Но есть факты, не стоящие на повестке текущего дня, но выходящие за его пределы. Эти факты весьма тревожным образом говорят о том, что мирное сосуществование дает коммунизму фору. Что же происходит?

Неуклонно увеличивается число свободных, независимых республик, образующихся из недавних колоний в Африке. Не так давно получила независимость Гана. Теперь за нею следуют Танганьика, Конго, до последних дней бывшая колонией Бельгии, и Мадагаскар. Если бы взяты за изучение этого вопроса специально, то пришлось бы слишком глубоко зарыться в географический атлас. Лучше не будем. Но значение обозначенного факта чрезвычайно велико.

При своем начале Организация Объединенных Наций составила из восьмидесяти пяти стран. Сейчас полагают, что число членов дойдет до ста двадцати и это преимущественно за счет вчерашних колоний Африки. В здании-коробке, где в Нью Йорке помещается ООН, уже сейчас стало тесно. Архитекторы уже раздумывают над тем, как обеспечить место каждой делегации. Но одно дело теснота, а другое — кто какую сторону возьмет? Все, кого это касается, замечают особенную склонность черных к красному цвету. Если дойдет до того, что в Юнайтед Нэйшенз белые должны будут уступить дорогу черным, то придет и к тому, что им же придется уступить дорогу и красным. Тогда Красный Китай будет введен в состав ООН и дорога к победе мировой коммунистической революции будет освобождена. Революция произойдет в результате поднятия рук при голосовании.

Тогда м-ра Сайруса Итона можно будет поздравить с успехом: все его многомиллионное имущество будет конфисковано, как сейчас на Кубе конфискуются нефтяные предприятия.

За подотчетный промежуток времени не пришлось отметить ничего, что свидетельствовало бы о мерах, принимаемых Западно-демократическим миром с целью благополучно вывести мир из создавшегося кастрострофического положения. А выход-то один: уничтожение советской власти. Наблюдатель

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

NUESTRO PAIS

Organo Monárquico Ruso

Editor-Director

VSEVOLOD DUBROWSKY

Monroe 4219, Buenos Aires, Argentina

Телефон 52-7426

ПРЕДСТАВИТЕЛИ

AMERICA DEL SUR:

Brasil: Leo Rubanov, Caixa postal 8405, Correio Central, Sao Paulo.

Chile: Sr. Nicolás Rogaley, Correio Central, Clasificador F 456, Santiago de Chile.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Av. Sarria 24, Quinta Coromoto (Club Ruso), Caracas.

Paraguay: Sr. A. F. Lapchinsky, M. P. O. C., Dirección General de Vialidad, Alberdi esq. Gral. Díaz, Asunción.

U. S. A.

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe Ave., San Rafael, Calif.

Mr. A. Klushkin, 196, 6th Ave., Apt. B, San Francisco 18, Calif.

Russian Book Store «Russ», 443 Balboa Str., San Francisco 18, Calif.

Mr. M. Maltzoff, 1332 Lucille Ave., Los Angeles 26, Calif.

The Russian National Book Store, 327 E 14th Str., New York 3, N. Y.

Allies Book Shop, 3456 Broadway, New York 31, N. Y.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 12036-90 Str., Edmonton, Alta.

Mr. A. Kostyria, 6 Argyle Str., Toronto 3, Ont.

Mr. André Alpatoff, 172, Lakeshore Drive, Montreal 33 (Dorval), Que., Tel. No. M-1-0815.

EUROPE

Belgique: Libraire et Bibliotheque Slave. 13, rue de Roumanie, Bruxelles.

France: Mr. A. Krivocheieff, «Kama» 27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine, Seine.

Westdeutschland: Herr S. Tovstoles, Hamburg - Gross - Borstel, Beerboomstücken 29/I, Wohn. 2.

Grece: Mr. Filatoff, rue Dedalou 26, Athenes.

Holland: Mej. A. Loeper, Anna Str. 1, Oosterbeek.

AUSTRALIA

Mrs. E. Parker, 28 Queen Bess Str., Buranda, Brisbane, Q-d.

Polyglot Book Depot, 256 Collins Str., Melbourne C 1

Mr. M. M. Spassovsky, 8, Richmond Str. South Wentworthville, N. S. W.

Продолжается подписка на ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

НАША СТРАНА

основанную И. Л. Солоневичем под редакцией Вс. Дубровского

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА

Аргентина 6 песо
САЩ и Канада — 30 цент.
Бразилия — 18 крузейро
Венецуэла — 1 боливар
Парагвай — 10 гуарани
Уругвай — 1 ур. песо
Чили — 75 чил. песо
Австралия — 1 ш. 6 пен.
Англия — 1 ш. 3 пенса
Бельгия — 10 белг. фр.
Германия — 75 пфен.
Голландия — 0.65 гульд.
Греция — 4 драхмы
Марокко — 75 нов. сент.
Франция — 75 нов. сент.
Швейцария — 1 шв. фр.

ПО РОЗДУШНОЙ ПОЧТЕ

Аргентина — 7 песо
САЩ и Канада — 35 цент.
Бразилия — 20 круз.
Венецуэла — 1.25 болив.
Парагвай — 12 гуарани
Чили — 100 песо
Австралия — 2 ш. 3 пен.
Англия — 2 ш. 3 пен.
Германия — 1 нем. марка
Голландия — 1 гульд.
Греция — 8 драхм
Италия — 200 лир
Франция — 1.15 нов. сент.

В розничной продаже и при подписке — цена номера одинакова.
Подписную плату просим вносить не менее чем за 10 номеров вперед.